

ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ И ПРОСТРАНСТВО СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ

Е. Комлева

Феномен ядерной энергии всегда был, есть и будет чрезвычайно важным для человечества. «Полное имя» его загадочно. В этой статье не затрагиваются физико-технические аспекты и связанные с ними понятия и символы. Хотя бы частичному раскрытию тайны «полного имени» и «социального паспорта» феномена должно послужить сконцентрированное на ней в контексте реальности и прогнозов, общих познавательных и конкретных прагматических задач образное, иносказательное (относительно собственно научно-технического языка ядерной сферы), ассоциативное мышление. Тем более, что ныне налицо тенденция оценивать крупные явления и мир в целом исходя из содружества многообразных составляющих общего познавательного опыта, суммарного социального знания человечества, сближения разных и даже крайних по способам и объектам сфер познания, формирования интегральной социокультурной мировоззренческой парадигмы.

Методология рефлексии: основания и аналогии

Методологические основания рефлексии феномена ядерной энергии в пространстве символических форм заложены в сути человека как вида. Полезно в этой связи обратиться к творчеству Э. Кассирера. Обращаясь к нему в контексте символов (для многих это равнозначно фундаментальному иррационализму), важно подчеркнуть следующее. Кассирер – скорее философ более рационального склада, нежели представитель иррационалистических течений. Поклонник идеи человеческого прогресса и мировоззрения поэта и естествоиспытателя И.В. Гете, имевший профессиональные контакты с А. Эйнштейном. Рассматривавший культуру как систему, связывавший интегративные понятия «символ»,

«символизм» с энергией духа, энергией всех видов мыслительной деятельности человека, понимавший в соответствии с немецкой традицией и буквальным значением немецкого эквивалента термина «symbolisch» – «sinnbildlich» выражение смысла через образ.

По Кассиреру («Опыт о человеке»), сравнивая человеческий мир с сообществом животных, мы находим в нем «и новые особенности, которые составляют отличительную черту человеческой жизни. Функциональный круг человека более широк, но дело здесь не только в количественных, но и в качественных изменениях. Человек сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать *символической системой*. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом *измерении* реальности... Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть».

Кассирер считает, что «рациональность – черта, действительно внутренне присущая всем видам человеческой деятельности. Даже мифология – не просто необработанная масса суеверий или нагромождение заблуждений; ее нельзя назвать просто хаотичной, ибо она обладает систематизированной или концептуальной формой». Но «разум – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии... все эти формы суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку, – путь цивилизации».

С Э. Кассирером солидарен Д. Фонтана: «Символы – это больше, чем просто культурные артефакты: они обращены к нашему интеллекту, эмоциям, духу». Вспомним, что исторически человек, его когнитивные способности, эмоции, интуиция, генерирование ассоциативных связей не были неизменными. Рациональность – относительно недавнее

приобретение человека. Логика, например, как отдельный способ мышлений сформировалась всего лишь около 2 тыс. лет назад. Но «человек живет в объективном мире задолго до того, как начинает жить в мире научном» (Э. Кассирер). Гораздо более древнее образное мышление с учетом комплексной эволюции человека на его историческом пути в новых условиях и при относительно новых, современных объектах рефлексии, несомненно, не будет лишним. Тем более, что образ предполагает стремление к емкому, целостному и легко усваиваемому сознанием человека восприятию.

Ф. Франк цитирует фразу Э. Маха из книги «Познание и заблуждение», солидаризуясь с ее смыслом: «Психическая деятельность, при помощи которой получается новое познание... есть не простой, а довольно сложный процесс. Прежде всего, этот процесс не есть процесс логический, хотя логические процессы могут играть в нем известную роль как промежуточные и вспомогательные члены. Главная же работа при отыскании новых познаний выпадает на долю абстракции и фантазии». Такая позиция этих философов особенно ценна тем, что они оба принадлежали к поколению, девизом которого (как во многом и для Э. Кассирера) был прежде всего активный рационализм, которое преклонялось перед научным опытом.

В. Гейзенберг писал: «Так же как надеялись ранее греки, так и мы сейчас нашли, что существует только одна фундаментальная субстанция, из которой состоит вся реальность. И если нам придется дать ей имя, мы можем назвать ее только “энергия”». Одновременно он допускал, что при переходе к другим, нематериальным формам бытия, например к сознанию, нужно принять существование чего-либо другого, что не сводится лишь к физической энергии, – т.е. души.

И.Г. Жидов и его соавторы, являясь представителями ядерной отрасли, проанализировали происхождение слова «энергия», ныне термина чаще чисто физического, по религиозным текстам (конференция «Проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви и ведущих научных центров России»). Оказалось, что это понятие первоначально в большей степени означало способность творить чудеса, действие Духа в человеке. Вообще, понятие «энергия» широко применяется в богословии и философии при толковании имени и значения Бога, при осмыслении человеческой жизни и окружающего мира через призму божественного имени (Е.Г. Трубина). С другой стороны, М. Эпштейн подметил: «Недаром конец мира предсказан в образе пламени, а не

замерзания или потопа... настоящий конец придет от огня... Так издревле обозначалась энергия, которая бурлит и накапливается в человечестве, пока не грянет последним судом».

В Осло в 1999 г. на сессии «World Commission on the Ethics of Scientific Knowledge and Technology» (UNESCO) был озвучен красивый симбиоз мифов. Один из участников, профессор-астрофизик, сказал: «Научные, философские и концептуальные рассуждения относительно этики в области энергии можно охватить тремя образами. Прометей, который украл огонь и подарил его людям. Фауст, вступивший в сделку с дьяволом, чтобы покорить природу. Франкенштейн, чья вина не столько в том, что он создал искусственное существо, а в том, что оставил его». На той же сессии другой участник, представитель «Gaz de France», призвал философов объяснять обществу социальную среду, в которой действуют разные сферы энергетики, в контексте времени, потенциальных рисков и различных стартовых условий анализировать экономически и политически справедливые формы их сосуществования. Не стоит нам, видимо, по крайней мере терять душу и оставлять без внимания и осмысления содеянное и задуманное нами в ядерной сфере.

Есть примеры (в частности, К. Злосчастьев) того, как одно из бывших фундаментальных понятий физики – эфир широко и многосторонне «обыгрывается» в художественном творчестве.

Представления о Солнце, звездах и энергии составляют основу мифов многих народов. Солнце – главный символ, объединяющий человечество. Как отмечал Н. Рерих, люди не слагают мифов о незначительном.

Искусство, например, так же как философию и религию, считают разновидностью мировоззрения – художественным мировоззрением. А. Дюрер, великий живописец, был одновременно теоретиком искусства, а также занимался прикладными вопросами – изготавливал географические карты. Творчество Дюрера, как и широко известные характерные черты творчества Леонардо да Винчи, – пример единства в восприятии людьми разных сторон мира, когда символы доминируют.

В. Дильтей обобщал: «Сродство философии с религией, литературой и поэзией отмечалось постоянно. Внутреннее отношение к жизненной и мировой загадке обще всем троим» («Философия в систематическом изложении»). П. Абрахам выделял «две основные роли искусства в социальной истории: активное влияние на общество и – через него – на события; пассивную роль по отношению к обществу в качестве

летописца событий. Искусство способствует формированию события и свидетельствует о событии».

Общеизвестно, что М. Хайдеггер часто опирался на образное мышление. О. Роден своего «Мыслителя» поместил над «Вратами ада». К. Ясперс напоминает нам о стремлении некоторых философов персонифицировать философию и говорить о ней как о существе или обнаружить демонический характер техники. «Чтобы выразить философию нашего времени, философию подвига, человеческой жизни, любви, смерти – мало одних рассуждений на эти темы, необходимо дать знак, символ, образ, что в буквальном переводе с греческого означает идею», – писал В.П. Астафьев. В.П. Рачков с соавторами при философском осмыслении того или иного феномена большое значение придают образу.

Образ позволяет выделить из неопределенности какие-то более четкие стороны действительности, поставить первые ясные вопросы, начать формулировать проблемы. Один из номинантов премии «Тэффи» за лучшее объяснение проблем мироздания (НТВ, программа А. Гордона от 1 марта 2004 г.), личные научные интересы которого группируются вокруг познания времени, оптимально сопоставляет себя с неустанно идущим вперед, несмотря на внешние обстоятельства, ишаком, «потому что идти надо».

В веках образно и постоянно воспроизводится мысль о стремлении к познанию, цене и результатах этого, о Фаусте и Мефистофеле – от немецких народных легенд, через И.В. Гете («Фауст»), Т. Манна («Доктор Фаустус»), родственных персонажей Ф.М. Достоевского и М.С. Булгакова до «творения Фаустов становятся фауст-патронами» И. Губермана. Философия «глубинной экологии» (А. Нейес, Н. Витошек, Э. Стэнг и др.) успешно использует образы скандинавской мифологии и культурологическую рефлексию, развиваясь в системе категорий «культура» – «технология» – «экология».

Ф.М. Достоевский в «Бедных людях» говорил о «сказочниках»: «Всю подноготную в земле вырывают». А В.В. Дудкин, сопрягая такие, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга явления культуры, как античность и Достоевский, считает, что «прошлое искусство не так уж далеко от наших дней. У культурной истории особое время. Образы и мифы “сшивают” страницы мировой культуры в единую книгу». Есть мнение, что из мифологии возникли религии.

Уместен при познании ядерного феномена подход, аналогичный творческому приему А. и Б. Стругацких в фантастической повести

«Пикник на обочине», когда в таинственную Зону они посылают одновременно Сталкера, Профессора и Писателя. Или подход, аналогичный реальному, не из фантастики, научному направлению «Литература как философия» (А.П. Давыдов) с его методологией социокультурного анализа художественной литературы для познания человека и общества.

Необходимо отметить интересное явление. «Метафизическая живопись», «поэты-метафизики», «поэты-символисты» – эти позиционированные как особо интеллектуальные течения искусства известны из истории. В современном мире представители многих рефлексивных направлений в разных сферах деятельности (философии, культурологии, художественном творчестве) также связывают свою позицию с понятием «метафизика», ищут свое место в «метафизическом строю». В России, например, помимо собственно философско-метафизических исследований после выхода (с исчезновением СССР) духовно-гуманитарных исканий за строгие рамки жесткой государственной идеологии материализма и рационализма в научных журналах, интеллектуальных программах СМИ и Интернета проявляются разноплановые «окрестности» метафизики, метафизические осмысления разных общественных и научных явлений. «Метафизика детства», «метафизика любви» «метафизика ландшафта», «метафизика исторических параллелей», «метафизика имен и названий», «метафизика машины/техники» – вот лишь некоторые примеры подобной «как бы метафизики». Тему соотношения иррационального и рационального затрагивает книга «Блез Паскаль: “метафизика сердца” в “век разума”». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей». Известный российский публицист А.А. Проханов (5 декабря 2007 г., радиостанция «Эхо Москвы») напомнил, что существует метафизика политики. По его мнению, ее знал В. Шекспир. Ссылаясь на «Макбета», этот талантливый и политизированный гуманитарий выстроил ассоциативный ряд: земля, которая рождает газы, – три ведьмы – роль нынешних углеводородов в политике. Президент Российского философского общества А.Н. Чумаков в 2006 г. издал книгу «Метафизика глобализации».

В. Вундт подкрепляет эту мысль и выделяет отдельный контекст: «...Метафизика нашего времени больше укоренилась в отдельных областях знания, чем среди профессиональных философов... в специальных областях знания заметно растет метафизический интерес. В ряду

философов вне философии или, как их еще можно назвать, метафизиков поневоле естествоиспытатели занимают, безусловно, первое место... непринужденность и нередко известная наивная первобытность таких систем обладает своеобразной ценностью...» («Философия в систематическом изложении»).

Сфера влияния понятия «метафизика» стала актуальной сегодня и даже, если можно так сказать, модной. И это правильно. Сейчас в ходу постулат: «Жизнь многогранна. Есть в ней и материальное, и духовное. И реальное, и мистическое. И высшее, и обыденное». Такая ориентация, по моему мнению, продуктивна. Метафизика, как и любое сложное философское направление, не может быть однозначной и неизменной. Речь, кроме того, не идет о классической метафизике с ее плюсами и минусами.

Отмеченная тенденция – не та примитивная, вульгарная, прямолинейная, трактующая явления упрощенно и буквально метафизика, которая, например, при рассмотрении чисто субатомных явлений приписывала душу, волю и разум электрону и которую справедливо критиковали члены Венского кружка. Тем более, сторонники этой тенденции не интерпретируют собственно атомные явления, их физическую сущность. Если они иногда, например в образах, и ссылаются на эти примеры интерпретации, то лишь как на «зигзаги» мысли, оригинальные по форме, в чем-то аналогичные их подходу, но ошибочные применительно к конкретным частным явлениям неживой природы.

К Аристотелю восходит краткое определение: «Метафизика – все, что после физики». Это хорошо и правильно, когда физики и мыслители-гуманитарии, пытаясь лучше понять мир, в том числе и чисто физический, выходят за рамки «физики», материального бытия, естественной науки. Выходят в их «окрестности», в сопряженные области человеческого, научного и вненаучного, знания и опыта. Когда ученые начинают обращаться к «соседям», образам-сравнениям-параллелям. Какое-то отдельное отклонение-обращение, особенно если только на нем «зацикливаются» и превозносят его до небес как единственно правильное, может быть ошибочным или неправильно трактуемым. Но совместное осмысление и интегрированный взгляд, как правило, надежнее и продуктивнее.

Такая тенденция «метафизикации» находится в русле глобального духовно-гуманитарного процесса современности. Сейчас проповедуют плюрализм мнений, отход от жестких в своих принципах

течений (не только типа марксизма, но и позитивизма, например). Постмодернизму вообще присуща запальчивая крайность: сколько мнений – столько и истин.

Аналогии можно продолжить: «Изменение в типе научной рациональности от классического к неклассическому и далее к постнеклассическому представляет собой не случайное, а закономерное явление соответственно процессу эволюции техногенной цивилизации», – так подытоживают Т.А. Партон и Ю.Ю. Черный анализ творчества А. Вебера и его сподвижников, в частности по «философии жизни». И добавляют: «То, что по идеологическим причинам называли иррационализмом, в действительности представляло собой попытку расширения понимания сферы рациональности за счет включения в познание целостного жизненного опыта. Это означало замену жестких концептуальных схем строгой научности “мягкими” методами с их акцентом на понимание, диалог, культурное посредничество». Происходила перероентация внимания философии с внешнего, вещного мира на внутренних, духовный мир человека. Л.А. Микешина подчеркивает: «За этим стояло не отрицание рационального подхода... а обращение к иной онтологии – человеческой духовности, укорененной в культуре, искусстве, “жизненном мире”».

Я, например, рассматриваю социальные ядерные явления, причем не частности, а, по возможности, в комплексе. Я не наделяю ядерную энергию человеческими или божественными атрибутами. Но при таком рассмотрении «как бы метафизика» в качестве инструмента как раз к месту. Как направление, предполагающее привлечение знаний о человеке и социуме во всей их полноте.

В.В. Иванов, сын известного советского писателя, академик РАН и многих зарубежных академий, выступая на телеканале «Культура», приводил примеры того, как представители художественного творчества через призму своего мироощущения воспринимали достижения физики, а иногда и, в образах, предвосхищали их. Гуманитариями, по В.В. Иванову, до открытия феноменов темной материи и черных дыр было создано представление о неизвестной пока материи во Вселенной. Комментируя антропный принцип, он сказал: «Среди прочего, это и повод для оптимизма: ведь не могла же природа так изящно устроить мир для того, чтобы человек сам себя и свое окружение уничтожил». В.В. Иванов был знаком с Б. Пастернаком. Пастернак в беседе с ним говорил о своих попытках понять точки соприкосновения науки

и искусства в познании мира. По Пастернаку, человечество воспринимает мир не таким, каков он есть на самом деле. Мир как бы отделен от нас неким полупрозрачным занавесом, который колыхается. И эти колебания позволяют людям составить лишь некий вероятностный набор картин – представлений о мире. Наиболее понятным это оказалось в квантовой теории. И наука, и искусство лишь помогают колебать этот занавес. В этом они схожи. В.В. Иванов в вероятностном контексте приводил также известные примеры обратного – когда физики охотно используют иносказание. В частности, версии метафоры об игре Бога в кости. И о том, что при этом Он так далеко забрасывает кости, что нам в результате не все видно.

Использование образов для понимания реальности сосуществует со строгой традицией, основанной на измерениях, числах и количествах.

Отправляясь в мысленное путешествие по пространству символических форм, пытаясь с этой стороны подступиться к пониманию социального наполнения ядерного феномена, будем руководствоваться «дорожной картой от Э. Кассирера»: «Миф, религия, искусство, язык и даже наука выглядят теперь как множество вариаций на одну тему, а задача философии состоит в том, чтобы заставить нас услышать и понять ее». Человек может «создать – в языке, в религии, в искусстве, в науке – свой собственный универсум – символическую вселенную, которая дает ему возможность понимать и истолковывать, связывать и организовывать, синтезировать и обобщать свой человеческий опыт».

Необходимо иметь в виду, что (как и у Э. Кассирера в «Опыте о человеке») далее даются скорее пояснения и примеры, чем приводятся доказательства какой-либо теории. Вместе с тем (как опять же и у Э. Кассирера в «Das Symbolproblem und seine Stellung im System der Philosophie») фиксируется, как по-разному предстает реальность в мире символов «в зависимости от характерной Перспективы-Смысла, в зависимости от точки зрения...». По Э. Кассиреру, «философия не может удовлетвориться тем, чтобы фиксировать только одну из этих точек зрения, какой бы всеохватывающей она ни казалась, но она должна пытаться охватить их все в синопсисе более высокой ступени и понять их все... так как только тотальность... составляет объективное единство и объективную целостность...». Но, в отличие от обобщающих оценок Э. Кассирера, далее рассмотрен конкретно ядерный феномен.

Субъектно-объектное разнообразие символики ядерного феномена: социокультурные оценки общепознавательного плана

В данном разделе исследуются ядерные образы на основе их проявлений в академическом и популярном дискурсе. Эти образы широко применяются в разных жанрах творчества, а также в разных науках. Они являются частью художественных, философских, религиозных, естественно-научных и иных размышлений и закладывают основания для дальнейшего анализа и более глубокого понимания проблем ядерного человечества во всем их многообразии.

Здесь много разного рода цитат, – это особенность раздела. В нем, прежде всего и может быть даже впервые, собраны вместе ядерные образы ради образов. А не по иным поводам, как это сделано в работах, откуда они заимствованы. Здесь образы сконцентрированы как самостоятельная ценность и объект внимания. В работах-первоисточниках они спонтанно выполняют вспомогательную роль для лучшей иллюстрации основных мыслей тех работ, не связанных с тематикой собственно измерения феномена ядерной энергии и других явлений в координатах пространства символов. Вместе с тем и в этом разделе, в том числе при исследовании исключительно характеристик символического пространства, не забыто главное предназначение символов – помогать человеку воспринимать и оценивать реальность.

Некоторые попытки совместно описать и классифицировать ядерные образы, конечно же, уже были предприняты. Такие образы обширно, со своими целями и особенностями, в своих градациях и на своей (без русскоязычных источников) фактологической базе документированы, например, в работах С. Уирта (S. Weart) (*Nuclear Fear: A History of Images*) и П. Бойера (P. Boyer) (*By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age*). В частности, Уирт изложил детали того, как образы были задействованы «в конкретных исторических обстоятельствах, иногда умышленно, и как они воздействовали на... умы при принятии... важных решений». Однако он исследует лишь один кластер образов, которые жестко объединены друг с другом. Анализ Уирта в основном затрагивает военное применение ядерной энергии и фокусируется на роли образов в истории, т.е. исключительно на прошлом. Как и книга Бойера.

По моему мнению, целесообразно наметить две большие («идеологические», или, по аналогии с классификацией живых организмов, «видовые, родовые») группы ядерных образов, задающие крупные направления в формировании смыслов, соответственно базовым особенностям отражения реальности, мере взаимодействия с реальностью и отношению к ней в координатах «феномен ядерной энергии – другие глобальные явления». Также следует выделить более специализированные («технологические, инструментально-предметные») группы. Это нужно для того, чтобы показать разнообразие символизма ядерного феномена и структуру символического пространства, выявить субъекты и объекты и зафиксировать различные способы и перспективы символического осмысления, подчеркнуть цивилизационное значение ядерной энергии, обозначить спектр формируемых ею социальных связей.

Деление на группы достаточно условно и его не всегда легко выполнить, прежде всего по отношению к внешним отличиям уровня больших «идеологических» групп. В символическом пространстве (и в основе для символической рефлексии – взаимосвязях явлений реальности, включающей «ядерное» и «окрестности»), видимо, в принципе не доминируют резкие переходы и границы, например, по обособлению явлений, по фактору символического взаимодействия с реальностью, по социальной значимости символического отражения реальности. Скорее, речь можно вести в большинстве случаев лишь о различиях на уровне полутонов. Тем не менее попытка классификации необходима и возможна. Меньшие трудности вызывает распределение информации по узкоспециализированным группам – по признакам «субъект рефлексии, оперирующий теми или иными символическими формами» или «объект рефлексии». Предпочтение в выборе признака зависит от целей исследования. Поскольку в каждом информационном фрагменте одновременно присутствуют и субъект, и объект рефлексии, постольку при той или иной группировке конечного объема фрагментов получают те или иные «картинки калейдоскопа». Далее при конструировании внутреннего содержимого двух основных групп использованы оба варианта.

Большая группа *символов первого рода* фиксирует в большей степени сугубо иррациональный срез символического пространства и как бы прямое отображение символами познаваемой ядерной реальности. Такие символы уместно группировать вокруг вопросов

типа «как можно представить “ядерное”?», «какие следствия “ядерное” вызывает?». *Символы первого рода*, особенно в первоисточниках, представляют собой зачастую промежуточный уровень на пути к более общим понятиям и концепциям, укрепляя доминанты развиваемых научных и социальных тем или художественного сюжета.

Часто, как уже упоминалось, ядерные образы выполняют вспомогательную роль. Однако есть примеры и «крупных форм» творческого осмысления ядерного феномена – советские и японские фильмы, художественные литературные произведения («*Writing Ground Zero: Japanese Literature and the Atomic Bomb*, John Whittier Treat») этой тематики, публицистика (Ю. Щербак, В. Губарев, С. Алексиевич, А. Ярошинская). Творчество крупных писателей-философов, в частности Ф.М. Достоевского, хотя по времени и не совпало с освоением людьми ядерной энергии, создало базу для дальнейшего серьезного анализа проблем ядерного человечества через глубокое понимание фундаментальных, вне времени и пространства, свойств человека и общества.

Кроме того, в философской, религиозной и общественно-политической литературе, при использовании поисковых систем Интернета отмечается удивительная тенденция. И негативные проблемы, и позитивный потенциал ядерной сферы становятся неким центром притяжения, авторитетной мерой сравнения или противопоставления, неотъемлемой характеристикой современности, достойным «спарринг-партнером», эффективным рефлексором при анализе совершенно других и разных глобальных явлений человечества. Некоторые реальные ядерные явления (технологии, оружие, чернобыльская катастрофа) зачастую становятся символами запредельного, когда с ними, как с примерами, сравнивают в одних координатах другие явления, а также прогнозы развития событий. Или когда сопоставляют сами системы отсчета, наборы параметров, с помощью которых описываются ядерные и другие явления. Не язык профессионалов, а язык в широком культурном смысле ассимилирует ядерные термины и смыслы, трансформирует их. Тем самым они становятся значимыми в нашей лексике и обогащают ее. В этой трансформации «ядерного» в символы-эталоны, в новые смыслы видится особое философское и общечеловеческое назначение феномена ядерной энергии.

Поэтому следующая по объему группа в данном обзоре – группа *символов второго рода* отражает уже дополнительно более активное, но опосредованное, многоплановое по смыслам взаимодействие

символического и реального, причем не обязательно лишь применительно к ядерной сфере. Символы второго рода отражают феномен ядерной энергии, как правило, не напрямую и не только его, а в связке с ним – фундаментальные характеристики человека, общества и природы, глобальные явления бытия, важные социальные проблемы. Отражаются начало перехода в новое качественное измерение и к расширенной области взаимодействия с реальностью, зачатки реализации преимущественно рациональной функции символического пространства – измерения мира мерами, «снятыми» с феномена ядерной энергии. Символам второго рода более соответствуют вопросы «какие явления сопоставимы с ядерными явлениями?», «каковы характеристики и масштабы такого класса явлений?». И вопросы, подобные им.

Обозначившаяся при заполнении групп иллюстративными материалами «статистика», видимо, показывает уровень развития пространства символов применительно к ядерной энергии и соотношение в нем отдельных направлений рефлексии.

Символы первого рода

Ядерная иносказательная символика в естественных науках

В тех областях физики материи, где пока не хватает точных знаний, для создания вполне успешных теорий начинают применять символы-коды. Заимствованные из геометрии (Платон – первоэлементы в виде многогранников), творчества, эстетики и т.д. (кварки, аромат, странность, цветность, прелесть, очарование...). По В.Ю. Ирхину и М. Кацнельсон, название «кварки» было взято из модернистского романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», где оно обозначало демонические существа. По-видимому, такое название было выбрано не случайно: его уместность впоследствии была оправдана необычными свойствами кварков (в частности, их ненаблюдаемостью в свободном виде) – странное название для странных существей! (Иногда физики шутят: DAMA – Dark Matter).

А.Ф. Зотов комментирует механизм появления новых смыслов в физике, в том числе с помощью новых образов упомянутых частиц с навеянными творчеством названиями. При этом он ссылается на Л. де Бройля, утверждавшего, что наиболее важными открытиями

наука обязана неожиданным, иррациональным скачкам мысли. Вспомним в связи с этим историю появления принципа дополнительности Н. Бора. Все подобные случаи – «метафизика» мышления физиков.

Интерпретация научных исследований структуры атомов дает примеры динамики сопутствующей системы символов. А также примеры того, как первоначально достаточно произвольный символ с течением времени приобретает определенный физический смысл.

Э. Кассирер пишет: «Когда Демокрит описывал структуру своих атомов, он прибегал к аналогиям, взятым из мира нашего чувственного опыта. Он рисовал картину, образ атома, сходного с обычными предметами нашего макрокосма. Атомы различались по форме, положению и соотношению частей. Их отношения объяснялись материальными узлами, отдельные атомы были снабжены крючками и глазами, выступами и углублениями, способствующими их соединению. Вся эта образная иллюстративность исчезла из наших современных теорий атома. Напрочь отсутствует этот образный язык в боровской модели атома. Наука больше не говорит на языке опыта здравого смысла – она говорит теперь на языке Пифагора. Чистая символика числа вытесняет и преодолевает символику обыденной речи. Теперь на этом языке можно описать не только макрокосм, но и микрокосм – мир внутриатомных явлений: и это знаменует открытие совершенно новой систематической интерпретации. “С открытием спектрального анализа, – писал в предисловии к своей книге “Строение атома и спектры” Арнольд Зоммерфельд, – никто из сведущих в физике уже не мог усомниться в том, что проблема атома будет решена, когда физики научатся понимать язык спектров. Количество данных, накопленных за 60 лет спектроскопических исследований, было так велико, что поначалу казалось – оно превышает всякие возможности в них разобраться... То, что мы теперь слышим в языке спектров, – это поистине “музыка сфер” внутри атома, аккорды интегральных взаимосвязей, порядок и гармония которых становятся лишь более совершенными от огромного многообразия. ...Все общие законы спектральных линий и атомной теории вырастают первоначально из квантовой теории. Именно на этом органе играет Природа свою музыку спектров, соответственно с этими ритмами она упорядочивает структуру атомов и ядер”» (Э. Кассирер).

Далее Кассирер со ссылкой на А. Зоммерфельда пишет: «С открытием периодической системы элементов каждый элемент получил свое

место в согласованной системе, и это место было обозначено атомным числом. Подлинное атомное число есть просто номер, который обозначает положение элемента в естественной системе, когда порядок каждого элемента определяется при учете его химических связей. Основываясь на периодической системе, можно предсказывать существование неизвестных элементов и последовательно их открывать. Так химия обрела новую математическую и дедуктивную структуру». По крайней мере, атомное число, атомный номер был «просто номером» на первых этапах открытия периодического закона. Но уже этот символизм позволял развивать науку. Лишь позже атомный номер ученые связали с числом протонов в ядре.

Ядерная символика религиозных оценок

С библейским Апокалипсисом сравнивают Хиросиму, Нагасаки и Чернобыль. Библейское «тусклое стекло» для подчеркивания искаженного восприятия ядерной действительности использует А. Макхиджани. По О. О'Доновану, попытка владеть ядерным оружием вне моральных рамок сопоставимы с библейским устремлением стать равным Богу и понятием первородного греха.

Теолог и политолог Дж. Гаррисон анализирует ядерный феномен в системе христианских традиций и символов. Вот лишь некоторые из них: суть Бога в контексте добра и зла, эсхатология, религиозная мораль, устремления человека к самосовершенствованию. Дж. Гаррисон и Г. Уаймэн считают, что «бомба, упавшая на Хиросиму, подобно ножу разрезала историю на две части... Этот разрез более резкий, решающий и революционный, чем разрез, сделанный звездой над Вифлеемом... И это принуждает иудейско-христианскую теологию мобилизовать всю глубину человеческого опыта». Гаррисон противопоставляет в контексте исцеления и спасения 6 августа Хиросимы и 6 августа Библии (день Преображения Христа). Он же воспроизводит мнение одного из религиозных деятелей, очевидца ядерного удара П. Аррупе о Хиросиме как символе застывшей вечности (остановившиеся часы).

А. Черноус солидаризуется с мнением Дж. Хиллмена: «Бомба может быть проявлением теневой стороны библейского монотеистического Бога, призывающим по аналогии с Ноем и потопом не к смерти, а к радикальной трансформации в наших душах. И снова здесь теневая сторона Бога проявляется не в образе отдельной дьявольской фигуры,

а как часть архетипа». Аналогично с позиций дуализма Бога и необходимости трансформации нашего сознания подходит к интерпретации трагедии Хиросимы и Нагасаки Дж. Гаррисон.

По К. Дж. Юнгу атомная бомба является символом антихриста (собственное мнение которого прямо противоположно: атомная бомба – от Бога). Плутоний назван по ассоциации с именем античного бога ада Плутона. И не случайно: чем дольше исследовали этот рукотворный химический элемент, тем полнее авторы названия и «отцы» плутония узнавали его дьявольские, по мнению Гаррисона, свойства.

С точки зрения Дж. Э. Дэвида, одна из основных концепций иудаизма – “День Бога” – предусматривает обоснование в Библии возможности и моральности массового поражения – как варианта наказания заблудших. В противоположность “Дню Бога”, библейское эпическое повествование о потопе может быть использовано как символ или понятийно-образующая парадигма для альтернативных взглядов. А именно, для формулирования еврейской мотивации против разработки ядерного оружия и обладания им, в пользу обязательства предотвратить массовое разрушение.

Действительно, как отмечают Р. Кимельман и Дж. Э. Дэвид, манящая радуга является символом еврейского движения за «ядерное замораживание». Радуга в библейской этике – олицетворение «всемогущей силы Бога, ограничивающей саму себя». Она введена Богом как напоминание Ему о том, что Он никогда больше не должен насыпать на людей потоп, аналогичный тому, что был во времена Ноя. Другими словами, это визуальное напоминание Бога Самому Себе о Его обещании по следам впечатлений от результатов первого потопы не применять больше разрушительной силы в виде потопы. С другой стороны, радуга – теологический символ примирения Бога с людьми, взаимных обязанностей не создавать причин для массового уничтожения живого на Земле.

П. Пели отождествляет ядерное оружие Израиля со злой сторожевой собакой, которая днем должна сидеть на надежной цепи, а ночью может защищать границы города. Он же характеризует риск применения ядерного оружия с помощью комментария из «Midrash» о деревьях, которые затрепетали, когда Бог создал железо. На что Бог им посоветовал не позволять делать из себя топоры и ручки для пил – и тогда железо будет для них безвредным. Красивая притча, своеобразно отображающая широко известную мысль о том, что не оружие убивает людей, а сами люди.

Ядерная символика в философии

Прометеевское начало в контексте ядерной энергии рассматривает К. Ясперс. Он же сравнил поведение избегающего рефлексии ядерных проблем общества с поведением страуса.

Накопление стихийных последствий человеческой деятельности С.Б. Крымский сопоставляет с неизбежностью демонической силы. Он говорит и о «бездне космического масштаба, разверзшейся ходом использования термоядерной энергии», и о восприятии А. Эйнштейном ядерного оружия как «проклятия человеческого рода», и о бездне «атомного Армагеддона», в которую заглянул А.Д. Сахаров.

Философ и политик А.А. Ярошинская напоминает о предостерегающей динамике образа ядерных часов американского журнала «Бюллетень ученых-атомщиков». Стрелки этих часов с 1945 г. по настоящее время показывают периодически степень приближенности человечества к бездне, колеблясь внутри отведенного людям последнего часа до ядерной ночи.

Многие уподобляют ядерные технологии Дамоклову мечу. Профессиональные в прошлом ядерщики-оружейники В.Н. Михайлов и С.Т. Брезкун, ныне проявляя себя в гуманитарных науках (Институт стратегической стабильности Росатома), обращаются к образу богини справедливой возмездия – Немезиды с атрибутами меры – весами, наказания – мечом, быстроты и неотвратимости – колесницей, запряженной грифонами, контроля – уздой. Они же в двухтомнике «Добро или зло?» на основе исторического подхода исследуют философию стабильного ядерного мира, анализируя природу тысячелетних понятий, обращаясь к авторитету мыслителей – от древних до современных. Образную форму (и со ссылкой на более ранние философские подходы к изучению военных проблем) привлекает М.А. Смагин при анализе современности. Он в контексте цивилизационных конфликтов и практикуемой в США стратегии «расширенного устрашения» употребляет концепты «оружие судного дня», «ядерный страх» и «ядерные ястребы». В Японии атомную бомбу воспринимают как двуликого Януса. А.А. Казанцев также анализирует амбивалентность ядерного оружия. Н.А. Кормин и Е.А. Турлак, М.Т. Ойзерман с соавторами ассоциируют ядерную техносферу с кентавром.

Если в контексте ядерных образов развивать тему «человек и конь», то, думаю, по сравнению с мифами о кентаврах более уместен как база совершенно великолепный этюд Г.К. Честертона. По Честертону,

человек на коне – самое прекрасное зрелище в мире. Конь и человек могут ладить. Не конь седлает человека, а наоборот. Хотя в свое время коня весьма трудно было объездить. «Конь и человек, вместе, добры и мудры... и могут стать символом чего-то высшего, скажем св. Георгия». Конь поражает воображение, как и человек, покоривший его. Добавлю, что и судьба Вещего Олега как некий вариант развития событий во взаимосвязи человека и ядерного феномена тоже «в тему». Но все же надо помнить, что ядерная энергия не так близка человеку и, совершенно точно, не так может быть ему подвластна, как конь.

Ядерная символика в психологии

Р. Дж. Лифтон отстаивает необходимость проработки мифологической тематики в ядерной сфере, чтобы лучше понять «наши взаимоотношения с холодной, ачеловечной, абсолютно технологичной деструкцией, начавшейся с Хиросимы». В частности, в этой связи он не удовлетворен такими образами, как «джинн из бутылки» и «ящик Пандоры». Лифтон считает более, но недостаточно близким образ «человека, которому угрожает его Франкенштейн». Он упоминает «безмолвные голоса» по отношению к жертвам ядерного удара и «цепную реакцию духовных атомов» в связи с пацифистским движением.

Проведенный Лифтоном анализ образов, объединенных им под рубрикой «nuclearism», продолжен И. Чернусом. Одним из итогов этого анализа стал вывод о том, что очень давняя религиозная идея о смерти как тропе к бессмертию во многих «ядерных» образах применяется вновь. Адаптация античных и более поздних религиозных символов к ядерному оружию (религиозный символизм) в исследованиях Гаррисона, Лифтона, Чернуса и других авторов занимает – нужно отметить это особо – важное место. Например, у Чернуса: «Не нужно отвергать или преуменьшать их эмпирическое, политическое и социальное значение»; «Бомба, как и ад, насыщена мифическими значениями и символической образностью, от которых мы никогда не сможем уйти».

Чернус подчеркивает в контексте ядерного оружия очень важную, хотя и большей частью неосознанную связь образов религиозной веры и риторически возвышенного подхода иных пацифистов. Мир во всем мире, конец мира, начало и конец ядерной войны – это понятия, близкие религии. Они близки по своей сути к апокалиптическим представлениям о конце света и новом мире. «Мир во всем

мире, как общественность представляет его, имеет характеристики религиозного образа». Чернус предполагает «совершенную универсальную структуру, которая бы позволила нам без риска забыть о нашей защите», «особую форму совершенного стазиса», «немутабельную статичную структуру вслед за радикальной глобальной трансформацией». Он считает, что «пацифистское движение должно создать сцену для разыгрывания утопических фантазий, основанных на религиозной образности. Оно должно требовать онтологической безопасности, которая является единственно реальной безопасностью, и свободы неограниченной возможности, которая является единственно реальной свободой». «Главное право в условиях ядерного мира, – утверждают М. Элиаде и И. Чернус, – право жить не только во времени, но и в вечности».

Чернус, кроме того, рассматривает ядерное оружие в категориях и образах психических болезней, но также и как символ преодоления вызова в части национального куража и технологических способностей общества, вызова героическому его нации. Он отмечает интересную игру слов, которая может отражать глубочайшее значение атомной бомбы. Часто употребляемая фраза «mutually assured destruction» («взаимное гарантированное уничтожение», *англ.*) приводит к MAD («mad» – «сумасшедший», *англ.*). В лексиконе этого автора присутствуют «ядерные страхи», «ядерные шаманы», «ядерные ученые-алхимики», но наряду с ними и богатый солнечный символизм ядерного оружия. Не может не настораживать и не заставить задуматься и другая игра слов, которую подметил Д.У. Чеппелл. А именно: «the arms race – the human race», «гонка вооружений – человеческий род».

Средним американцем, когда стало известно, что у СССР тоже появилась атомная бомба, овладел страх. Это явление известно как «ядерный страх». Он сразу же приобрел черты страха иррационального, так что Федерация ученых-атомщиков США организовала крупное исследование психологов с целью найти средства ввести этот страх в разумные рамки. Директор Центра истории физики С. Уирт, который в течение 15 лет изучал это явление, описывает его в большой книге «Ядерный страх: история образов». С самого начала психологи поставили своей целью «мобилизовать здоровый страх, побуждающий к действию и реализации эффективных мер против реальной опасности войны», – превратить иллюзорный страх в реальный. В целом эта цель не была достигнута, и ядерный страх в США обрел те же черты, что и страх X в.,

страх перед чумой в XIV в., «страх Лютера», – черты экзистенциального страха западного человека.

И. Чернус указывает также на сравнительно новый и «приземленно-неприглядный» имидж ядерного оружия, имеющий хождение с начала 90-х годов прошлого века, – это старые ружья, которые следует выбросить. Одновременно экологические заботы привнесли образ «очищения от беспорядка». Эти два набора образов объединяются в образ ядерного оружия как мусора. По Чернусу такой имидж оружия как мусора коррелирует с категорией нечистоты (нечисти) в религиях.

Ядерная символика и креативность

В. Высоцкий на одном дыхании, соответственно настрою тех лет «впечатывал» в сознание слушателей образ научно-технического порыва и прорыва по отношению к ядерным исследованиям. Когда он пел в своей напористой манере: «Нам тайны неоткрытые открыть пора, лежат без пользы тайны как в копилке. Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра. На волю пустим джинна из бутылки», и «Даешь эту самую, эту теорию...», и «...Нейтрино за бороду...».

Однако ядерная энергия может быстро превратить человечество в отпечаток на камнях истории, как одного из нас в Хиросиме. Или иначе, как в Чернобыле, погубить живое. Кстати, символ человеческой тени как метафора ядерной трагедии – в данном случае изображение тени ребенка на стене одного из домов Припяти – оказался после Хиросимы востребован еще раз. Как и образ Зоны, созданный братьями Стругацкими. Зоны посещения могущественной силой извне, после этого ставшей зоной лишь посещения для людей, – прототипа Земли, уже не принадлежащей человечеству.

Согласно буддистскому календарю, середина августа – время, когда души мертвых совершают свое ежегодное возвращение. Это время совпадает с памятными церемониями, посвященными Хиросиме и Нагасаки. В августе во всех парках Хиросимы обычно круглые сутки слышен громкий треск цикад, напоминающий звуковой сигнал счетчика радиоактивности. Выжившее в эпицентре ядерного взрыва в Хиросиме, широко почитаемое на Востоке, неуязвимое дерево гинкго стало символом жизнестойкости и надежды на будущее, олицетворением вызова атомной бомбе со стороны жизни. На сайте Нагасаки размещены фотографии различных деревьев вблизи эпицентра ядерного

взрыва, которые также пережили взрыв и ныне символизируют возрождение надежды страдавших и страдающих людей. Символизм этих растений широко используют различные молодежные движения Японии, протестующие против ядерного оружия с позиций просвещения. Во всем мире известна и традиция протеста против ядерного оружия с помощью передачи людьми друг другу бумажных журавликов и умножения их числа.

П. Кибл сообщает о рассмотрении ядерного феномена сквозь призму природных образов Австралии и культурных традиций аборигенов. Отмечаются и проповедаются также тенденции феминизации гуманитарного измерения технической сферы, в том числе ее ядерной составляющей, в том числе посредством применения женских образов, например образа матери. Образ Матери-Земли, которую терзают подземные ядерные взрывы, тягостен для полинезийцев. Это главный аргумент против испытаний ядерного оружия в Полинезии, по Киблу. С другой стороны, по Йонеяме, в Японии феминизация памяти о ядерной бомбардировке способствует укреплению мифа исключительно о жертвенности и невинности нации.

Прием совместного использования разных образов находим у Й. Колфера, который в художественной форме объединяет проблемы ядерного Мурманска и международной мафии. А.А. Ярошинская сопоставляет в единых рамках времени золотой век ядерной физики в Европе и серебряный век поэзии в России. Ю. Кузнецов названием «Атомная сказка» усиливает эффект от образного показа гримас познания в условиях нынешнего научно-технического развития. Более 50 лет персонажу японских и американских фильмов – огнедышащему дракону Годзилле, символу небывалых мутаций как результата ядерных катастроф. Ядерные образы пришли в современные информационные технологии: S.T.A.L.K.E.R. – компьютерная игра по мотивам Чернобыльской катастрофы.

По Дж. Воберу, задачей журналистов, которые хотят объяснить важность тех или иных аспектов ядерной энергии, является вовлечение в оборот аналогий, метафор и разнообразных образных примеров (плутоний – современный философский камень; романтические или с оттенками трагизма названия гражданских и военных ядерных устройств в ряде стран – Франции, Индии, Пакистане, Израиле, Японии). Обыденными стали понятия «мирный атом» и «военный атом», а также «земное солнце» (применительно к установкам термо-

ядерного синтеза). С философским камнем и надеждами алхимиков на преобразование веществ ассоциирует трансмутацию радиоактивных отходов журнал «Economist». Образы на фоне музыки, экспрессивных личных рассказов, аффективной визуализации, драматических симуляций вызывают «символический резонанс», по мнению С. Веттенранты. С другой стороны, С. Претр призывает апологетов ядерной энергии во взаимоотношениях с общественностью не уподобляться Давиду или Голиафу.

В Пакистане есть памятник «ядерной горе» – уменьшенная копия реального географического объекта, где в 1998 г. при ликовании масс были осуществлены первые ядерные испытания. Ассоциации с вечно-зеленой горой, символом мощи и разнообразия жизни, вызывает симбиоз слов «юкка» и «гора» – название самого крупного в мире хранилища ядерных материалов «Юкка Маунтэн» (Yucca Mountain).

Попытаюсь предложить для сравнительного анализа симпатичный российский образ – могущественной, справедливой, загадочной, богатой, доброй Хозяйки Медной горы, имеющей талантливых соработников с правом свободы выбора. Этот заманчивый образ через плодотворные ассоциации сопрягается с ядерным Уралом и с ядерным и медно-никелевым Красноярским краем. И на Урале, и в Красноярском крае есть мирового уровня разнообразные ядерные производства. Образы, порожденные горами, часто используют в мировой практике при творческом осмыслении серьезных социальных проблем (большинство религий, Ф. Ницше, Т. Манн, последователи философского течения «Глубинная экология»).

Образ Хозяйки Медной горы не является религиозным. Одновременно он не отрицателен и не является агрессивно антагонистичным религии. Это не языческий идол. У него своя ниша в духовном мире людей. Этот образ мотивирует параллели в контексте осмысления феномена ядерной энергии с методологических позиций религии. При таком подходе, возможно, удастся прикоснуться к высочайшему духовному потенциалу фундаментальных символов христианства. Например, камня и ключа (св. апостол Петр), а также пещеры, в которой, по Честертону, «мир был вывернут наизнанку» и «внизу было небо», когда в ней, не только на земле, но и под землей, родился Иисус. С пещерой связаны Рождество, Мать, Ребенок, первые христианские общины, понимание того, «что у святых есть дом, а божеству ведомы границы пространства и времени». Саров православный,

ставший впоследствии ядерным, тоже начинался с пещеры и камня. Хозяйка Медной горы «заземлена», укоренена не только местом своего «существования», но и, так же как христианство и феномен ядерной энергии, тесным вплетением в судьбы людей. Тосковала она по человеческому теплу, поощряла человечность. Как дочь была ей Танюшка из «Малахитовой шкатулки», а после исчезновения Танюшки «Хозяйка Медной горы двоится стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали».

Симпатичный российский образ, но все же, все же... «Вот она, значит, какая – Медной горы Хозяйка! Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало», – тосковал П.П. Бажов. Сложатся ли у нас и наших потомков взаимоотношения с ядерной Хозяйкой удачнее, чем у персонажей Бажова взаимоотношения с Хозяйкой Медной горы? Хватит ли нам разума? Именно нам, а не ядерной Хозяйке.

Тайная, как правило, родственная по «менталитету» Хозяйке Медной горы сила в сказах Бажова не сводится к одной Хозяйке. Урал – это «становой хребет» Евразии, место сосуществования и взаимовлияния разных этносов и культур. Новая Земля с ее испытательным ядерным полигоном иногда рассматривается единой с Уралом структурой нашей планеты. Юг Урала граничит с Казахстаном, у которого богатое ядерное прошлое и совсем не безразличное к этой теме настоящее. Поэтому разумно было бы, полагаю, подумать о некоем обобщенном в разных измерениях образе феномена ядерной энергии на базе географического сродства, исторических и культурных традиций этого региона.

Интегрированные ядерные образы и политика

Образ «ядерной зимы», имеющий в своей основе естественно-научные, психологические, философские и другие представления, в корне изменил политическое мышление. В «суперкамарилье» как бы сказки в фильме «Каин XVIII», где фигурирует как бы атомный комар, угадываются многие черты взаимоотношений политиков, военных, ученых и простых людей в атомной гонке начала второй половины XX в. Гитлеру приписывают интерпретацию ядерного оружия как геополитической надежды в катастрофической ситуации – как «оружия последних пяти минут войны». П. Брекен, Д.П. Лэки, Л. Йонейма, Дж. Дж. Орт и Дж. Гаррисон часто обращаются к гипотетическому образу – ядерного Гитлера. Причем Брекен считает,

что Гитлера конца XX в., имевшего бы ядерное оружие, не остановило бы ничто, включая ядерное сдерживание. Лэки напоминает, что до недавнего времени гонка ядерных вооружений шла параллельно демонизации отдельных стран, включая СССР. В книге «America's Wars in Asia: A Cultural Approach to History and Memory» отмечается широкое использование национального мифотворчества вообще в силовом противоборстве стран.

Как подметил С. Кара-Мурза, ядерный страх в США использовался не только в политической рекламе, направленной на создание нужного образа «внешнего врага», но и во внутренней политике. Одним из самых сильных политических роликов считается фильм «Дейзи», выпущенный демократами во время выборной кампании 1964 г. Целью было дискредитировать опасного конкурента, правого консерватора республиканца Б. Голдуотера. В фильме маленькая девочка обрывает лепестки ромашки и считает: один, два, три... А потом за кадром мужской голос начинает обратный счет: десять, девять, восемь. При счете «ноль» – лицо ребенка крупным планом, глаза полные ужаса, и из них вырастает гриб ядерного взрыва. Фильм был показан всего один раз за два месяца до выборов, но произвел такое впечатление, что множество людей звонили в Белый дом, требуя «остановить Голдуотера». Бедного Барри погубил страх американцев перед ядерной войной.

Л. Йонеяма напоминает о многозначной образности в национальном и глобальном историческом контексте Собора Атомной Бомбы, в том числе отражающем иронию М. Хайдеггера по поводу бывших имперских и колониальных амбиций Японии. Добавим: и иронию судьбы, когда уран из нацистской Германии, отправленный после многочисленных просьб японцев в качестве помощи союзнику для нужд его ядерной программы, по пути в Японию попал в США и способствовал созданию бомбы для Хиросимы. Многозначность относится и в целом к мемориальному комплексу Хиросимы – своеобразной иконе, по мысли его авторов.

Исторический опыт евреев сразу заставляет их связывать и сравнивать ядерное оружие с такими явлениями, как нацизм и холокост. Р. Киммельман цитирует С. Пизара: «Стоя в тени крематория, я хочу предоставить человечеству доказательство, что возможно весь мир превратить в крематорий при использовании ядерного оружия». Отталкиваясь от холокоста, в Израиле выработали принцип «Никогда

снова». По мнению Р. Киммельмана, этот принцип применительно к возможному ядерному конфликту между крупными державами означает барьер на пути превращения геноцида в модель омницида. Применительно к Израилю – не позволить холокосту произойти снова.

Один из сторонников ядерных испытаний 1998 г., как пишет К.К. Янг, использовал, чтобы показать легитимность ядерного оружия Индии в качестве сдерживающего средства, притчу о кобре, которая может шипеть, но не должна кусать. Появились понятия «бомба индуизма» и «шафрановая (по священному цвету одеяний аскетов) бомба» как противовес понятию «бомба ислама». На основании классических текстов индийского религиозного эпоса национальное ядерное оружие трактуется (как и в иудаизме) как оружие последней надежды.

Наглядно продемонстрированные в Хиросиме и Нагасаки последствия ядерной атаки гражданского объекта стали затем для мировой общественности образом ужаса. По мнению авторов книги «America's Wars in Asia: A Cultural Approach to History and Memory», не сопоставленные с таким наглядным образом другие виды оружия массового поражения не вызывают у людей такой же реакции на опасность. Аналогичный эффект совершенно различного восприятия обществом ядерного оружия и современных потенциально опасных технологий отмечает Ф. Фукуяма. В последнее время на фоне ядерного оружия не заметна озабоченность, в частности, опасным военным потенциалом нанотехнологий. С другой стороны, по Х. Гастерсону, именно чудовищный потенциал ядерного оружия заставляет некоторых, как это ни парадоксально, считать его не оружием, а «фишками в символической игре».

Дж. Гаррисон сравнивает решения по применению плутония с союзом между Фаустом и Мефистофелем, а ядерные технологии, вслед за Г. Кунгом, – с социальными утопиями с их отчуждением от самой жизни. Плутоний как радиоактивный элемент «живет» собственной особой «жизнью», на которую не могут влиять люди. Он, равно как уран и тритий, в соответствии с законами радиоактивных превращений, постоянно изменяется. Это серьезно беспокоит социум в контексте безопасного хранения ядерного оружия. И сохранности им при этом боевых свойств. Часто из-за внутренней изменчивости ядерную начинку боеприпасов отождествляют с живым организмом, который во многом не изучен и поведение которого может быть далеко не безопасным.

А. Эйнштейн прогнозировал образ постъядерного оружия: «Я не знаю, какое оружие будет применено в следующей мировой войне, скорее – какое после нее в следующей войне: лук и стрелы».

Символы второго рода

Сопоставление собственно естественно-научных знаний и технологий

С открытием радиоактивности в научное понимание вошло представление о конечном бытии, брэнности химических элементов. Это заставляет, по К. Ясперсу, не отвергать самое худшее, вплоть до необратимой цепной реакции с распространением ее на всю материю Земли, когда в космосе появится «пова». По сообщению В.Е. Фортова (конференция «Проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви и ведущих научных центров России»), в США и СССР физики анализировали угрозу глобальной термоядерной детонации на планете. А сегодня в Европейском центре ядерных исследований в Женеве обеспокоены возможностью поглощения всего нашего мира черной дырой, которая могла бы искусственно возникнуть в результате некоторых физических экспериментов. Вероятность таких событий мала. Однако существовали же природные ядерные реакторы в Африке. Но даже если существуют только чисто природные ядерные явления, не порожденные человеком, но от которых зависит судьба человечества! Уже в связи с этим взаимоотношения человека с ядерной энергией должны носить особый характер и требуют особого мировоззрения.

Р.Е. Ровинский обобщает нынешние научные представления о еще более впечатляющем феномене, чем феномен ядерной энергии, и о связи первого и второго. Речь идет о так называемой темной энергии. Темной – потому как пока в отношении нее больше существует вопросов, чем найдено ответов. Она подавляюще доминирует в общем энергетическом балансе видимого мироздания. Одновременно она и сопряжена с ядерной энергией, и является базисом всего вещественного мира, т.е. и ядерной энергии, и нас. В связи с этими перспективами уместно перефразировать известные слова М.В. Ломоносова: открылась бездна, энергии полна, энергии нет счета, бездне – дно. Темная энергия находится вне нашего внимания в данной работе, так как непосредственно связанных с ней социальных явлений пока не обна-

ружено. Но не помнить о ней нельзя. Повторяю, она – энергетический базис нас самих и всех вещественных структур вокруг нас. Неаккуратно отнесемся к нему – и ...

Ядерные технологии позволяют дать ориентиры, качественно и количественно установить системы координат, задать пространство для социальных оценок будущих сверхмощных технологий, для определения будущих «плюсов» и «минусов».

Нанотехнологии, например, создают возможность появления пугающе опасных видов вооружений («Экологический вестник России», 2008, № 6). Нанотехнологическое оружие будет чрезвычайно мощным, разнообразнейшим по видам, массовым по применению и способным спровоцировать нестабильную гонку вооружений. Именно как фактор дестабилизации мира это новое оружие в социальном плане наиболее опасно в сравнении с ядерным оружием и отличается от него в худшую сторону. «Можно благодарить ядерное оружие за то, что оно предотвратило масштабные войны после изобретения. Однако нанотехнологическое оружие не похоже на ядерное». Новое оружие, сохранив потенциал тотальной деструктивности, эквивалентный потенциалу ядерного оружия, обещает быть существенно более доступным и экономичным, динамичным и мобильным. А также более изощренным, скрытым, избирательным, затрудняющим режим нераспространения, способствующим радикальному и труднопрогнозируемому изменению баланса сил. Опыт человечества по сдерживанию масштабных войн, приобретенный им в связи с ядерным противостоянием, в новой ситуации напрямую не будет давать решения, но он же подсказывает, что всестороннее осмысление новой ситуации необходимо, и делать это надо как можно скорее.

Сопоставление социальных знаний и процессов

На основе логических цепочек мною предложен образ-схема «окрестностей» феномена ядерной энергии, пространства взаимоотношений его и других глобальных явлений («Философия науки», 2007, № 2).

Глубинные «духовно-гуманитарно-жизненные» совпадения иногда мистически цементируют преемственность исторических событий, что особенно важно для событий глобальных. Св. апостол Иоанн Богослов («сын громов», как называли его Христос и окружающие), А. Дюрер, А.Д. Сахаров – эти имена объединены одной памятной датой:

21 мая. И тем, что каждый из них по-своему увидел Апокалипсис и рассказал о нем людям, предупреждая их. Каждый оставил свое Откровение миру и свой вклад в попытки улучшить человека, каждый предложил элементы единения материального и духовного, дольного и горнего. Эта триада связывает пространство (Средиземноморье – колыбель человечества в целом, отдельных религий и цивилизаций, Германию и Россию, поселения и города первого столетия христианства, Нюрнберг, Ленинград и Саров) и время (античность, средневековье, современность). Она связывает религию, светский разум, искусство, ядерную физику, ядерную технику и гуманизм. С датой преставления (9 октября) Иоанна Богослова в 2006 г. совпало весьма тревожное и знаковое событие – первое испытание Северной Кореей атомной бомбы.

В университете Хиросимы (департаменты этики и философии), Хиросимском институте мира, подразделениях Мемориального комплекса международные и междисциплинарные исследования направлены на интегрирование опыта Хиросимы и Нагасаки в стратегии глобального мира. О таком общечеловеческом потенциале Японии писал еще Р. Дж. Лифтон вскоре после Второй мировой войны. Уже в 50-е годы прошлого века в университете Осло действовал научный семинар по проблемам ядерного мира. Ныне мысли о ядерном мире звучат в книгах («America's Wars in Asia» и «The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan»).

«Мне Достоевский дал больше, чем все физики мира», – так, по многочисленным свидетельствам, говорил А. Эйнштейн (программа «Культурная революция» от 4 ноября 2004 г., А.Ф. Зотов). Достоевский и Эйнштейн сопоставлены в публикации И.С. Клемашева (ЦНИИАтоминформ). В.В. Дудкин напрямую связывает глобальные и современные опасности для человека, избавление от них с антропологией Достоевского. Из сферы умозрительной в сферу практическую он переводит вопросы о сущности человека. В том числе и в связи с угрозами ядерной сферы.

Можно не соглашаться с Достоевским. Можно его не понимать. Однако мы в связи с ядерной энергией обязаны, по мнению многих философов и теологов, пройти через опасные откровения о человеке и обществе, через максимально полное познание их. Значит, игнорировать Достоевского и исследования его творчества нельзя. Это художественно-философское и литературоведческое явление может быть среди других внешних систем координат при анализе «ядерного человека» и «ядерного человечества».

Д. Гранин и ленинградская блокада как прототип «ядерной зимы», С. Алексиевич с ее раскрытием человека в трагичных ситуациях войны и Чернобыля. О. Кожухова, сопоставившая военные Россию, Вьетнам и Хиросиму и спросившая: «Хиросима, любовь моя... Ты – прошлое или будущее человечества?». Это лишь некоторые примеры художественного отображения ядерной и сопряженных тем в произведениях российских писателей второй половины XX в. Хотя прав В. Каганский, считающий, что тема еще ждет своего писателя.

«Непредсказуемо крутится атом» в той Вселенной, которую поэтически видит А. Воловик. Во Вселенной, при создании которой Бог проявил себя скорее теоретиком, чем практиком. Несовершенную Землю при этом заселили «двуногие злыемышленные твари». И «веку атома и СПИДа новый век идет на смену, а тому до суицида остается, может, год».

Герой-физик из культового советского фильма «Девять дней одного года», как и герой-антифашист из фильма «Смерть зовется Ангельхен» (Чехословакия), видят в атомной бомбе надежду на то, что войны больше никогда не будет.

Опасный потенциал разрушительной деятельности иных политиков М. Эпштейн, характеризуя творчество В.В. Ерофеева и соотношение в обществе двух начал – энергии и энтропии, сравнивает с ядерной энергией. А сам В.В. Ерофеев создал образ человека, который недоумевал по поводу того, что «взрыв в Хиросиме и единственное существо, выразившее протест, – римский папа», человека, который «третий день шел в пятый класс школы, когда русские испытали атомную бомбу», и часто по утрам чувствовал недостаток ядерного потенциала. А в «Вальпургиевой ночи» автор вспоминал о «ядерных заложниках Пентагона».

А. Гардари, исследуя в деталях мир знаменитой «сороковки» (Челябинска-40), в сочетании с сюжетными аналогами религиозной мифологии использует образы «ядерного котла», «ядерной каши», «ядерной метели», «атомного ГУЛАГА», «атомного мяса», «дьявольской ядерной карусели». А также образы пустынной резервации, «ядерного гриба Хиросимы, в котором вспыхнуло урановое солнце Ферганской долины», «атомных мечей» США и СССР, а также образы демонических сил, аналогично подходу С.Б. Крымского. Гардари при этом восходит к обобщениям на уровне наднациональных человеческих чувств, общечеловеческих забот, но также и противостояния сверх-

держав – США и СССР. И к образу Ядерного Принца как мистическому символу единого, планетарного ядерного военно-промышленного комплекса. Видимо, подспудно, противопоставляя этот образ Маленькому Принцу А. де Сент-Экзюпери.

Направленная в будущее «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич, аналогично многим образам другой «специализации», детерминирует необходимость нового общественно-ядерного сознания. Арсений Тарковский также видел неадекватность нашего сознания и отождествлял человечество с «ранней пробой природы», уже стоящей «в горле у мира» и мстящей водородной бомбой «еще не рожденным потомкам своим».

Как считает И. Чернус, гипотетический ядерный апокалипсис позволяет лучше понять и другие негативные глобальные явления. Авторы книги «Морально-этические нормы, война, окружающая среда» настойчиво повторяют, что практически одновременно в 1945 г. актуализировались проблемы ядерного оружия и перенаселения нашей планеты, признаки общепланетарного экологического кризиса. Перечисленные факторы, обобщенные до символов катастрофы, взаимно усиливают друг друга и характеризуют начало самого ответственного периода в истории человечества. «Каждый знает о промышленной революции в Англии XIX века и о сопровождавших ее изменениях в человеческом поведении. Возможно, что развитие атомной техники... произведет аналогичные изменения в человеческой жизни» (Ф. Франк).

Форсированное освоение ядерной энергии, появление и развитие ядерной энергетики вызвали к жизни образ глобальной опасности и стимулировали научные исследования проблем риска, в том числе и методами социальных наук. С другой стороны, исследования риска стали предметом общественного интереса. Дифференциация по степени продуцируемого обществом риска была даже положена в основу одной из парадигм теоретического анализа социума.

Образ сложного квантового микромира, наиболее полное понимание которого возможно лишь с помощью различных и взаимоисключающих систем понятий, интуитивно и гениально предвосхитил Н. Бор своим принципом дополнительности. Кстати, Бор в свое время попытался свой обобщенный принцип дополнительности обосновать в качестве универсального и рассматривать его как общую характеристику мира и методологический принцип познания. В.И. Аршинов

напоминает о том, что ныне, подхватив идею Бора, принцип дополнительности обобщенно интерпретируют как коммуникативное средство метаконтекстного перехода. В том числе от рациональности к иррациональности. Сам Бор и многие философы говорили, что этот принцип – «посох в руке слепого».

П. Тейяр де Шарден, один из авторов идеи ноосферы, главными постулатами своих рассуждений считал сопряжение концепций атома как бесконечно малого центра самого мира и бесконечно больших звездных масс, развития небесных тел и антропогенеза, физической и духовной энергии. Часто метафору распада на отдельные атомы использует А. Проханов при анализе различных социальных явлений. Э. Кассирер на примере такого символа, как атомный номер химических элементов, разъясняет в контексте «умения знать» и «умения видеть» различия науки и искусства в описании действительности, более разнообразные по оттенкам и нацеленности на открытия (по сути этого понятия) потенциальные возможности искусства.

Н.Н. Моисеев в эколого-экономическом контексте глобальной значимости и опасности факт совершенно новой стадии развития планеты и общества постоянно (в большинстве публикаций, в том числе в «Вопросах философии») сопрягает с наличием на Земле ядерного оружия. В связи с этим он, как и Дж. Гаррисон, в сфере разума, сознания, нравственности, духовности ставит задачу небывалой значимости – разработать Стратегию человечества. «Ее разработка мне представляется, – пишет Н.Н. Моисеев, – самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества. Может быть, вся история человеческих знаний, нашей общей культуры – всего лишь подготовительный этап для решения этой задачи, от реализации которой зависит и сам факт сохранения в биосфере нашего вида».

Ф. Франк разделяет мнение Э.Д. Кэнгама: Хиросима – символ конца самоуверенного материализма, посредством атеизма и рационализма бросавшего вызов духовным откровениям Библии, и индикатор того, что естественно-научная мысль после атомной бомбардировки должна быть ориентирована в новых понятиях взаимной зависимости мировых явлений. «Не материал, взорвавшийся в бомбе... согласно правилам физики XX века... ответствен за получившееся в результате взрыва, а люди, угрожающие друг другу так, что исследования, производство и военные операции следуют за этим как результат человеческих усилий».

А. Эйнштейн отмечал, что понимание атома, возможно, проще понимания детской игры. Ю.И. Карякин, чтобы обосновать спасительную миссию ядерной энергии для сохранения цивилизации, изучает «окрестности» атомной энергетики, олицетворяя этим образом широкий круг проблем и явлений, которые ее окружают.

У В. Брюсова есть сопоставление нашего мира и микромира: «Быть может, эти электроны – миры, где пять материков, искусства, знания, войны, троны и память сорока веков! Еще, быть может, каждый атом – вселенная, где сто планет. Там все, что здесь, в объеме сжатом, но также то, чего здесь нет».

Д.Я. Левин, А.М. Коновалов, В.Ф. Новиков, С.Дж. Симбала и Дж.М. Вобер выделяют ядерную энергию и информацию в качестве главных факторов современности. Они прогнозируют общественно важные резонансные эффекты в особых случаях их сосуществования. Б.И. Пружинин объединяет Интернет и ядерную энергетику в рамках такой сферы деятельности, которая постоянно генерирует в коммуникативных структурах общества все новые всепроникающие изменения и которая не может находиться вне контроля общества, ибо в масштабах амбивалентности ее последствий «таятся опасности, способные поставить человечество на грань существования».

У Ф. Франка есть одновременная, как емкий пример, ссылка на телевидение и атомную энергию. Как пример значительного влияния естественно-научного знания через его техническую трансформацию на жизнь людей в контексте добра и зла.

Интересную интерпретацию влияния гуманитарного мироощущения на принятие глобальных политических решений, сопряжения личного опыта политиков в сфере культуры и творчества с результатами их международной деятельности в экстремальных условиях озвучил на телеканале «Культура» В. Елистратов. Предваряя передачу А. Чубарьяна «Холодные ветры “утра победы”», он связал в одном контексте разрушительные, в том числе ядерные, потенциалы действовавших во время и накануне «холодной войны» исторических сил и регулятивно-созидательные потенциалы глав великих держав – Сталина, Черчилля и Рузвельта, обусловленные, в частности, и литературно-художественной креативностью этих лидеров. В самое сложное время они смогли, в том числе в силу своего культурного базиса, найти геополитический компромисс и механизмы международных отношений на долгие десятилетия «первого ядерного века». «Если

мы поймем своеобразную культурологическую подоплеку “холодной войны”, то мы сможем спасти мир в настоящее время», – считает В. Елистратов. Он солидарен с мнением А. Чубарьяна, что уроки того противостояния важны не только в историческом, экономическом и политическом смыслах. Эти уроки акцентируют внимание также на роли взаимоотношений людей, особенно лидеров, на роли социокультурных стереотипов.

Общим местом стало сравнение мощи современных вооружений и природных или техногенных катастроф с мерилем разрушений – взрывом в Хиросиме. Но параметры первых крупных «ядерных дел» служат для сравнения и в иных ракурсах. Например, известно, что на разработку способов манипуляции сознанием идеологи немецкого нацизма потратили примерно столько же денег, сколько впоследствии потребовалось США для антигитлеровского, по задумке, Манхэттенского проекта. В разных ракурсах и часто сравнивают первые ядерные и ракетно-космические программы.

С.Б. Крымский, вслед за Г. Гегелем, напоминает нам о том, что человек на определенном этапе своей деятельности неминуемо способствует появлению стихийных могучих сил, которые превышают его собственные силы и представляют угрозу («обратные силы»). Эти силы в наше время во многом связаны с ядерным феноменом. Силы подобного рода не поддаются контролю и управлению. С определенного момента они имеют собственную логику и вектор осуществления, безразличные к целям и усилиям человека. Человек может лишь заранее, «до того» устремиться к постижению этих нарождающихся угроз. Связь ядерного феномена с потенциально катастрофическим эффектом «обратных сил» – еще один мотив его всестороннего и глубокого осмысления.

В.А. Легасов сообщал о частушке, которой народ отреагировал на Чернобыль: «Запустили лунный трактор. Но разрушили реактор. И отныне мирный атом вся Европа кроет матом».

Пример нацеленного в будущее прагматического символизма в ядерной сфере

Существует социальная проблема изоляции от биосферы на сотни и тысячи лет или навечно ненужных человечеству сейчас или вообще ядерных материалов, полученных в результате военной или гражданской деятельности. В планах – крупные международные ядерные

хранилища. Изоляция ядерных материалов – приоритет в решении проблемы нераспространения. Именно в хранилищах сосредоточено сырье для классического и радиологического ядерного оружия военного или террористического назначения. Стоимость «вечного» подземного хранилища «Юкка Маунтэн» – 60 млрд долл. США. Создание таких «гигантов» в России на средства от западных инвестиций обсуждалось в Москве на международных конференциях МАГАТЭ «Обращение с облученным ядерным топливом: новые инициативы России – 2002» и «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения – 2005», а также в ходе визитов в Россию генерального директора МАГАТЭ (2005 г.) и президента США (2006 г.). При обилии сейчас у России собственных денег из-за рубежа по-прежнему массивно финансируются российские ядерно-экологические проекты и объекты.

На проходившей в Брюсселе апрельской (2008 г.) Европейской ядерной ассамблее управляющий директор Центральной организации по радиоактивным отходам Нидерландов Х. Кодее заявил о необходимости многонационального подхода к обращению с радиоактивными отходами. Подхода, при котором страны конкурировали бы за строительство общеевропейского, глубокого геологического хранилища на своей территории. Х. Кодее считает, что раз другие направления ядерной энергетики, такие как обогащение урана и электроснабжение, реализуются на международной основе, нет причин, препятствующих организации аналогичным образом и обращения с радиоактивными отходами. По его словам, вопрос о создании международного хранилища заслуживает изучения и Международное агентство по атомной энергии уже предприняло ряд шагов в этом направлении.

Глава МАГАТЭ уже несколько лет выступает за изучение многонациональных подходов к обращению с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами. Х. Кодее в 2005 г. заявлял журналистам, что Европе следовало бы построить два-три общеевропейских глубоких геологических хранилища, вместо того чтобы проводить «абсурдную» идею создания отдельных хранилищ в каждой стране. Известны и другие европейские инициативы относительно совместной подземной изоляции ядерных материалов, но без обозначенного пока места (например, ARIUS).

Естественно-научные, технические и гуманитарные исследования приводят к гипотезе о проекте SAMPO: Scandinavian (Slavic, Social)

Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation’s Oikumene. К гипотезе международного подземного ядерного хранилища «в ближней зоне» Норвегии, Финляндии и Швеции – на территории Печенгского района Мурманской области, вблизи Трифионов-Печенгского монастыря и храма св. Бориса и Глеба, в зоне угасающего хозяйственно-административного влияния «Норильского никеля» и Кольской сверхглубокой скважины, вне нефтегазовой инфраструктуры региона. Концепция SAMPO адекватна идеям, заявленным в названиях упомянутых выше московских конференций, и предложениям России о международной системе ядерных центров по всему топливному циклу, и озвученной В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 2007 г. идее создать специальную корпорацию, в том числе для внешнего ядерного рынка. Она согласуется с подготовкой правовой базы, касающейся импорта ядерных материалов, а также с политической готовностью российского руководства создавать в стране крупные международные хранилища отработанного ядерного топлива. То есть эта концепция адекватна действиям России, коррелирующим с аналогичными зарубежными шагами.

Название «SAMPO» задает вектор философско-политического обобщения. Через противоположный термин – «proliferation» и образ территориальной локализации – «Oikumene» обозначен ключевой термин ядерной современности – «nonproliferation» в контексте полного спектра опасностей, каковыми являются классическое ядерное оружие и «грязная бомба», и широкой номенклатуры сырья для таких «изделий». И принцип концентрирования основы всех опасностей – ядерных материалов в пределах надежной, контролируемой и охраняемой международными усилиями «резервации». Принцип «зарегулированного распространения» этих материалов, их удаления из различных (военных и гражданских) мест их возникновения на «вечный или долговременный покой». Когда много ядерных хранилищ и «хранилищ» – это распространение. Если их можно на пальцах сосчитать – это ближе к нераспространению. Концепция SAMPO означает полноту, законченность и связь с глобальным явлением. Эта концепция требует рефлексии различных граней ядерного человечества, предоставляет площадку для дискуссий и решений. На максимальном удалении, территориально и ментально, от наиболее тревожной ныне идеологии радикального исламизма. Это вклад устойчивых в социальном и природном смыслах Скандинавии и Севера России в будущее «разогретой» климатическими, энерготехноло-

гическими, демографическими и другими изменениями Центральной Европы, постепенно превращающейся в Еврабию.

Концепция SAMPO несет в себе также позитивный потенциал религиозно-мифологических и духовно-гуманитарных ассоциаций. Это потенциал некоей тайны, думая над которой, как и при философско-политической рефлексии, человечество умнеет.

По полярным территориям Швеции, Финляндии, Норвегии и западной России рассеян маленький и изначально единый народ – саамы (лопари). Ему обязан своим названием минерал лопарит – лучшая кольская «копилка» редких земель, титана, ниобия, тантала и тория. Это базовые элементы настоящей и будущей энергетики по схеме деления ядер. Наилучший в регионе природный поглотитель нейтронов и изолятор ядерного топлива – минерал эвдиалит, его местное название – «лопарская кровь». В ареале древней культуры саамов, уже как бы приобщенных к ядерным избранным, и будет, возможно, создано международное ядерное хранилище. Их традиционное знание, отношение к жизни и природе неплохо было бы при этом позаимствовать.

Карело-финская «Калевала», с ее «откуда что пошло», чтит Солнце и нечто чудодейственное, жизнеутверждающее, дающее пищу и энергию – Сампо. Сампо, которое было задумано, выковано и укоренено в горе «страны мрака» – Лапландии (Похъёле – Петсамо – Печенге?!). Сампо, которое «мелет меру» и которое поместили «в утес из меди, что за девятью замками». Которое создавалось при мобилизации всех земных и небесных сил, через потенциально опасные, хотя и внешне привлекательные «инженерные ошибки» «векового кователя» Ильмаринена, выковавшего само небо «раньше всякого начала». Сампо, которое так и не было осмыслено людьми полностью, хотя и превращено ими в символ благополучия. По мысли создателей «Калевалы», не известно и не важно конкретное его исполнение. Главное – оно красиво («крышка пестрая прекрасна» – бесхитростный, но мудрый рефрен), полезно и наполнено энергией. А «известно», что питали его земля, море и медный утес. И концовка у мифа о Сампо поучительная: «не тяните одеяло на себя» – разобьете благополучие вдребезги.

Спасение сказочного героя З. Топелиуса – смелого и любознательного Сампо-Лопаренка, который очень хотел, чтобы Солнце было (даже если и не будет лета со злыми комарами), и вступился за правду о Солнце, как «известно», было результатом возвращения Солнца на небосклон

и христианского обряда крещения. Спасение в темную-темную полярную зиму от многочисленных и могущественных поклонников вечной тьмы и вечного холода, многие из которых неосознанно все же радовались Солнцу, когда оно помимо их воли всходило. Не так же ли будут рады ядерной энергии многие из ее нынешних хулителей, когда традиционные виды энергии уже не смогут обеспечивать растущие потребности людей, а биотопливо, изменение климата и рост потребностей спровоцируют продовольственный кризис? Сампо-Лопаренок уже только благодаря имени своему был обречен на счастье и удачу. В другое время сказано по-другому: «Как вы яхту назовете – так она и поплывет». Метафизика и мистика имен и названий...

Аббревиатура SAMPO может быть с учетом мифологического и христианского контекстов расшифрована как Storage of Atomic Murman – the Pechenga Oread (хранилище атомного Мурмана «Печенгская нимфа») или Storage of Atomic Materials – the Pechenga Obedientiary (хранилище атомных материалов «Печенгский монах»).

Идеи посредничества и размещения в существующих зонах отчуждения международных ядерных хранилищ не новы, после того как СССР оказывался в разных геополитических обстоятельствах: Симушир, Семипалатинск, Чернобыльская АЭС и т.д. Возможные региональные версии расшифровки аббревиатуры SAMPO: Scandinavian (Saamen, Siberian, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Spitsbergen, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene – соответствуют базовой идее. Япония в контексте Курил и Семипалатинска, Украина и Казахстан поэтому могут быть особыми партнерами Европы, но, возможно, и конкурентами северного альянса SAMPO в отношении места реализации проекта. Другими словами, возможны «гомологи» и «клоны»: SAMPO_{eu}, SAMPO_{kz}, SAMPO_{ua}.

Аббревиатура SAMPO в немецкой транскрипции и немецкой традиции может быть расшифрована как Sicherheit (Symbolismus), Atom, Menschheit – «Perpetuum Ordnung». Что уже в простом, дословном переводе связывает важные понятия: «безопасность», («символизм»), «атом», «человечество» – «вечный порядок». Кроме того, это выражение вызывает ряд ассоциаций и имеет глубокий смысл: двойственный символ атомного человечества – «вечный порядок». Только при правильном ведении «атомных дел» ядерная энергия будет безопасной. С другой стороны, прирученная и безопасная ядерная энергия поз-

волит человечеству долговременно развиваться без кризисов (военно-политических, энергетических, экологических, продовольственных и др.) или существенно сгладит влияние этих кризисов.

Название «SAMPO» – потенциальный бренд. О необходимости создания в российской экономике ярких и весомых брендов говорил на Петербургском экономическом форуме в 2008 г. С. Иванов. Думаю, бренд «SAMPO» не будет лишним на последующие века и для финно-угорских народов в их уникальной миссии скреплять межрегиональные и межгосударственные связи. Кроме того, он придает обоснованию крупного ядерного объекта и некоторую эстетическую составляющую. Красоту, которая «спасет мир».

Образ «ядерного SAMPO» – один из вариантов адаптации концепции *символов второго рода* к условиям реальной проблемы в контексте взаимодействия символического и реального, «приспособления к окружению», по Э. Кассиреру. Символика SAMPO вводит в рассмотрение образ гражданского, современного объекта, который должен удовлетворять международным требованиям и находиться под полным международным контролем. Она может, тем самым, демпфировать имеющуюся сейчас одностороннюю тенденцию доминирования военной и негативной тематики при духовно-гуманитарных оценках ядерного социума.

* * *

Сопровождающие науку образы философского и религиозного мышления, художественной литературы и искусства, бытийного народного творчества, мифологии, фантастики необходимы при познании ядерного феномена. Это мнение подкрепляется тем, что их применяют многие представители естественных наук и политики, а также философы, теологи, психологи, писатели и другие гуманитарии.

База данных по ядерным образам может быть незаменимым ресурсом информации, необходимым инструментом для осмысления ядерных проблем в различных ракурсах рефлексии, в том числе, – прагматически ориентированных. «Символ – ключ к природе человека», – утверждал Э. Кассирер. Можно добавить, что это и эффективный инструмент социокультурного понимания ядерного феномена. Причем методология и аналогии Кассирера не только дают теоретические основания рассматривать ядерный феномен сквозь призму образов, символов, метафор и тому подобных форм познания, – это мини-

мум перспективы. Они являются одновременно одной из подсказок о необходимости синтетической рефлексии, о пути к синтезу социо-ядерной ментальной платформы. Как справедливо замечает А. Чернус, «если наша потребность – восстановить сознание символических и метафорических измерений жизни, разве мы не можем, даже разве мы не должны научиться видеть ядерный век в символическом виде? Как только мы поймем ядерный век как уникальное “созвездие” символических образов, мы признаем, что эти образы могут... продвинуть нас к радикальной трансформации».

* * *

Благодарю за поддержку исследований Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и профессора Б. Фалькенбург.

Институт философии и политологии,
Технический университет,
Дортмунд, Германия

Komleva, E. Nuclear energy phenomenon and the area of symbolic forms

The paper proves the thesis that it is impossible to understand nuclear energy phenomenon basing merely on physicotchnical aspects and relating notions and symbolic forms. It is necessary to involve the area of all symbolic and metaphoric perspectives of life.